

ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ В США 1840-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР: ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

М.П. Кизима

Автор считает публицистику интересным и важным историческим источником. С этой точки зрения подробно анализирует публицистические статьи Маргарет Фуллер, написанные ею для газеты «Нью-Йорк Трибюн» в 1844–1846 гг. Автор приходит к выводу о том, что Фуллер была глубоким публицистом-реформатором, раскрывавшим сложности процесса урбанизации и задачи, стоявшие перед обществом.

Ключевые слова: Маргарет Фуллер, публицистика, исторический источник, урбанизация, американская литература и общественная мысль XIX в.

The author considers publicistic works an interesting and important historical source and analyzes in detail, as an example, the publicistic works of Margaret Fuller published in the «New York Tribune» in 1844–1846. The author comes to the conclusion that Fuller was a publicist-reformer who had a deep understanding of the process of urbanization and the challenges the society faced.

Key words: Margaret Fuller, publicistic works, historical source, urbanization, American literature and public opinion in the 19th century

Публицистические произведения представляют собой для исторической науки интересный и важный источник. Ведь публицистика по самой своей жанровой природе всегда находится в гуще событий, в фокусе ее внимания – самые актуальные вопросы. Историк, обратившись к публицистике исследуемого им периода, может хорошо представить себе круг проблем, стоявших тогда перед обществом. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что публицист не только описывает, подобно репортеру, сложившуюся ситуацию или существующие точки зрения, но и активно выражает свою собственную позицию, участвует в общественной полемике. Таким образом, публицистические произведения дают историку как данные об объективной действительности, так и картину развития общественного сознания в определенный

период времени. Нельзя не учитывать и того факта, что публицистами на протяжении всей истории человечества были крупнейшие общественные деятели, сами по себе являющиеся фигурами исторического значения.

Об этих достоинствах публицистики как исторического источника свидетельствует анализ публицистических произведений Маргарет Фуллер (1810–1850), одного из ярчайших романтиков-трансценденталистов. Здесь мы остановимся на публикациях Фуллер в газете «Нью-Йорк Трибюн» в 1844–1846 гг., посвященных процессу урбанизации.

В 1840-е гг. США переживали период глубоких трансформаций: стремительно росли города, прибывали все новые иммигранты – вся социально-экономическая и демографическая ситуация в стране быстро менялась. Фуллер довелось испытать эти перемены на собственном жизненном опыте: в 1844 г. она переехала из пригорода Бостона в Нью-Йорк, став редактором литературного раздела газеты «Нью-Йорк Трибюн». На ее глазах разрастался огромный город, его жители были ее читателями. Нью-Йорк изменил многое в жизни и творчестве Фуллер: он открыл ей новую перспективу, существенно раздвинул ее творческие и человеческие горизонты. Публицистика Фуллер тех лет дает возможность лучше понять общественную ситуацию в США, сложный процесс урбанизации с его издержками; помогает по достоинству оценить тот огромный вклад, который внесли в развитие общества борцы за реформы, в числе которых была и Маргарет Фуллер.

В газете «Нью-Йорк Трибюн» регулярно выходили публицистические размышления Фуллер о состоянии дел. Ее волновало и отсутствие нормальной вентиляции в общественных зданиях Нью-Йорка, и здравоохранение: работу доктора Грискома, опубликованную в 1845 г., «Санитарное состояние трудового населения Нью-Йорка», она не только прочла сама, но и рекомендовала всем нью-йоркцам¹. Фуллер анализировала городские проблемы и предлагаемые решения, выявляла недостатки, выдвигала альтернативные предложения. Можно сказать, что в этой области она создавала новый для того времени жанр журналистского расследования.

Более того, Фуллер понимала, что процесс урбанизации завязан в единый узел с серьезнейшими общими проблемами страны, такими как рабовладение, изгнание индейцев с их земель, конфликт с Мексикой; многие ее статьи-размышления рассматривают весь этот клубок в совокупности.

---

¹ Fuller M. Margaret Fuller Critic: Writings from the *New York Tribune*, 1844–1846 / Ed. by J.M. Bean, J. Myerson. N.Y., 2000. P. 103. Далее при ссылках на данное издание номера страниц указываются в тексте статьи в скобках вслед за цитатой.

С ростом городов нарастали и сопутствующие социальные проблемы: городские трущобы, обнищание населения, рост преступности, беспризорные дети, нищие старики и душевнобольные. Конечно, подобного рода проблемы возникали и прежде (сироты, вдовы, нищие были всегда), но в условиях сельских поселений и городков эти проблемы решались усилиями общины, местных церквей и благотворительностью частных лиц. В новой урбанистической действительности их решение потребовало создания соответствующих городских институтов.

Массовое общественное сознание, однако, не было готово к этому, воспринимало реформы настороженно, а порой и просто в штыки. Фуллер очень точно уловила эти настроения, поняла, насколько сложно их будет преодолеть. В своих публицистических работах она стремилась всячески разъяснить ситуацию, переубедить и вдохновлять своих читателей. Спорила, например, с распространенным мнением о том, что благотворительность – дело личное, а не общественное. Соглашаясь с тем, что на личном уровне благотворительность менее оскорбительна для человека, ее получающего, Фуллер все же настаивала, что в век великих изобретений люди смогут найти способы сделать благотворительность проявлением симпатии, «не унижать, а поднимать человека» (99), принимающего общественную благотворительность.

Такая разъяснительная работа, предпринятая Фуллер, была необходима, поскольку причины общественного недоверия уходили корнями глубоко в американскую историю, затрагивали основы нравственно-религиозных представлений американцев. Преобладающей религиозной деноминацией и в Новой Англии, и в штате Нью-Йорк был протестантизм, причем в его наиболее радикальных формах. Протестантские убеждения, социальная доктрина, этика, – всё создавало в общественном сознании внутренний барьер в отношении благотворительной деятельности. Ведь для пуританина бедность – порок, а бездомность, беспризорность, пьянство, проституция – отражение изначальной внутренней порочности людей, оказавшихся в таком положении. Доктрина предопределения разделяла людей на тех, кому предначертано спастись, и тех, кто спасен не будет. В данной системе координат земная жизнь была единственным доступным свидетельством того, к какой части рода людского тот или иной человек принадлежит, что порождало среди успешных высокомерное чувство превосходства, а среди неуспешных подавляло чувство самоуважения.

Фуллер выросла в самом сердце Новой Англии и воспитывалась в пуританских традициях, но, сохраняя глубокую веру, она смогла посмотреть на своих единоверцев критически, стала одним из участников

широкого движения за религиозное обновление. Трансценденталисты сыграли в нем важную роль, но необходимо отметить, что у них не было единой позиции и взгляды их весьма разнились. Надо сказать, что в религиозных воззрениях самой Фуллер акценты существенно изменились именно в связи с ее переездом в Нью-Йорк, непосредственным знакомством с жизнью большого города, принимавшего многочисленных иммигрантов самых разных вероисповеданий. В центре ее внимания оказались нравственно-этические и социальные аспекты веры, в их толковании она опиралась на Евангелия как основной источник, упрекая своих соотечественников в забвении истинного смысла учения Христа и его земной жизни.

В своих статьях она постоянно обращалась к евангельским притчам: о добром самарянине (Лк. 10: 25–37), о крохах со стола (Мф. 15: 22–28), о горчичном зерне (Мф. 13: 31–32). Ее возмущало высокомерие, с которым американцы относились к неимущим и оступившимся людям, она повторяла соотечественникам притчу о мытаре и фарисее, обращенную «к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других» (Лк. 18: 9–14).

Фуллер стремилась разрушить стереотипы американского сознания, препятствовавшие его гуманному развитию. Она видела положительный опыт в деятельности Католической церкви и писала об этом, а ведь в те годы враждебность в отношении католиков была весьма сильна. Позиция Фуллер имела значение не только для сглаживания традиционного противостояния католиков и протестантов, но и для создания положительного образа новых иммигрантов, хлынувших в Америку из Ирландии и Италии, к которым в те годы относились с предубеждением и опаской.

Так, в эссе с характерным названием «О распространенном мнении, что вежливость – слишком большая роскошь, чтобы позволять ее себе в отношении бедняков» она отмечала, что в католических странах люди проявляют больше душевной деликатности, более вежливы и обходительны с бедной, «поскольку благотворительность там – долг, и творится она во имя Господне» (129). Фуллер писала об оскорбительной грубости и еще более оскорбительной любезности, проявляемой в таких случаях в США по одной лишь причине – разнице в финансовом положении: «Печально смотреть, как терпит бедняк, и удручающе видеть, как богач, гордящийся своим кошельком, считает возможным оскорблять» (129). Маргарет отмечала, что даже среди протестантских проповедников немало людей, разочаровавшихся в том, как ведется благотворительная работа. Она приводила слова одного пожилого миссионера, работавшего среди бедноты и очень сожалевшего о том, как в юности он обращался со своими

подопечными: «Когда я вспоминаю ту свободу, с которой я входил в их дома, выпрашивал про все их дела, комментировал их поведение и оспаривал их заявления, я удивляюсь, как меня ни разу не высекли кнутом, и чувствую, что я этого заслуживал; мне бы это пошло на пользу, потому что мне нужен был подобный суровый урок о всеобщем долге вежливости в ее единственной истинной форме – уважения человека и деликатной симпатии к каждому в его особом положении» (129). Фуллер подчеркивала, что благотворительность должна основываться на уважении и чувстве равенства.

«Нью-Йорк Трибюн» освещала работу по созданию в Нью-Йорке Ассоциации помощи заключенным. Фуллер восприняла факт ее существования с большим энтузиазмом, особенно радовало ее то, насколько правильно была поставлена задача – оказывать помощь не только в период заключения, но и после освобождения: «способствовать созданию наилучших условий для заключенных и обеспечить их жилищем и трудоустройством после освобождения» (13). Деятельность Ассоциации была, таким образом, направлена на возвращение оступившихся людей в общество как полноправных граждан, в таком понимании целей она намного опередила свое время.

В те годы ознакомительное посещение тюрем, приютов было распространено в качестве своеобразного «туристического» мероприятия. Фуллер же посещала подобные заведения как публицист-реформатор, как журналист, ведущий журналистское расследование. По итогам одной из своих поездок она написала статью «Благотворительные организации нашего города. Посещение приюта для бедноты Бельвью, школы на ферме, приюта для душевнобольных и пенитенциарного заведения на острове Блэкуэлла».

В данной статье Фуллер призвала всех посещать подобные заведения ради собственного блага, «чтобы не погрязнуть в эгоистическом довольстве, когда мир находится в состоянии недовольства» (98). Однако она смотрела на проблему помощи глубоко, подчеркивала, что «ничего реально не удастся изменить, если не будут выработаны верные принципы» (98).

Так, в приюте для бедноты ей понравились и персонал, и чистота, и комфорт. Казалось бы, что же еще нужно? Но Фуллер проявляет удивительную прозорливость, ее предложения ставят важные задачи, смотрят вперед и во многом соответствуют наилучшей практике нашего времени. Как недостаток, например, она отмечала нехватку адекватной занятости. В приюте люди находились длительное время или постоянно, но практически единственной работой для них было выращивание овощей для себя и пошив собственной одежды. Все эти занятия – в основном женские, и, по наблюдениям Фуллер, безделье

затрагивало особенно мужчин: у них был вид людей неприкаянных и опустившихся. Возражения администрации сводились к доводам о том, что труд в приюте не может приносить дохода, поскольку в заведении нет строгой дисциплины. Фуллер же полагала, что даже ценой дополнительных расходов адекватная трудовая деятельность должна быть обеспечена.

Кроме того, Фуллер считала, что всякое заведение в помощь бедным должно быть построено с учетом необходимости просвещения, включая и практические трудовые навыки, и книги, и знания о здоровом образе жизни, питании, поддержании чистоты, важности свежего воздуха, чтобы открыть людям новые возможности.

Следующим пунктом поездки Фуллер была школа на ферме. Проблема беспризорных детей стояла очень остро. Фуллер уделяла много внимания мерам, принимавшимся для улучшения ситуации. В 1830-е гг. она работала педагогом, была хорошо знакома с гуманистической системой образования. Особенно близки ей были педагогические идеи деятелей эпохи Просвещения – Руссо и Песталоцци. Мысль Руссо о том, что воспитатель призван создавать такую обучающую среду, в которой ребенок сможет реализовывать свою природу, накапливать жизненный опыт, обретать самостоятельность и свободу, подхватил затем и Песталоцци. Он считал, что система образования для детей должна быть тесно связана с жизнью и повседневным опытом ребенка, сочетать обучение, труд и игру. Педагоги-гуманисты видели цель образования в гармоничном развитии природных сил и способностей человека – умственных, физических и нравственных, полагали, что воспитание должно заложить в каждом человеке чувство собственного достоинства и свободы. В течение многих лет Песталоцци занимался обучением детей из простых крестьянских семей, этот опыт лег в основание его педагогической системы и был особенно важен для Фуллер в ее размышлениях о школах для детей из беднейших слоев. Песталоцци подчеркивал, что трудовое воспитание призвано вооружить детей бедняков такими знаниями, умениями и навыками, привить им такие качества, которые дали бы им возможность помочь самим себе, подготовиться к условиям предстоящей жизни и своим трудом освободиться от нищеты. Все свои познания и педагогический опыт Фуллер, подобно Песталоцци, применила к городским общественным проектам – и приютам для бедноты, и пенитенциарным заведениям, и школам. Побывав в школе на ферме, Фуллер поняла, что подход был выбран неверный: детей до 12 лет учили обычным предметам, затем они покидали школу и должны были начать работать и зарабатывать на жизнь, но никакой практической подготовки не получали. Она подчеркивала, что даже для детей из благополучных и состоятельных семей необходимо, чтобы их учеба и игры сочета-

лись с полезным трудом, а в школе для бедноты подготовка к обычной жизни, в которой им предстоит трудиться, особенно важна. Стоит подчеркнуть, что Фуллер отмечала и другую, эмоционально-психологическую сторону вопроса: дети жили оторванными от дома, от естественных человеческих связей, их жизнь в школе неизбежно превращалась в механическую рутину, которая мешала формированию характера. Занятия полезным трудом могли помочь изменить эту ситуацию: «У них столько жизненной энергии, что они могут заниматься разными вещами одновременно и узнавать из книг больше, когда их внимание оживляют другие виды культуры» (100).

Обращает на себя внимание эта формулировка – «другие виды культуры». Она еще раз показывает нам, насколько глубоко были познания Фуллер и в практической педагогике, и в гуманистической педагогической теории, насколько демократичными были ее взгляды, как далеко вперед она смотрела, распространяя великие достижения педагогической науки не только на детей из привилегированных школ, но и на детей из благотворительных приютов. Ее рассуждения пронизаны заботой о здоровье детей, о чистоте и вентиляции в помещениях, где они учатся и живут. Ей не нравилось, что в школе мало индивидуального подхода и детей обучали «оптом» (101): Фуллер одной из первых в США отметила эту тенденцию к применению в общественном образовании стандартизированных методов и средств, нивелирующих индивидуальность и включающих детей в безличный распорядок.

Важной темой реформаторов были дома для душевнобольных. Из-за плохого понимания природы душевных заболеваний, неумения лечить их и заботиться о больных эта сфера оставалась одной из самых немилосердных. Не удивительно, что приют для душевнобольных произвел на Фуллер тяжелое впечатление. Он был переполнен и собрал самых тяжелых больных; им обеспечили приемлемый уровень порядка и чистоты, но – как и в приютах для бедноты – не проявляли никакого индивидуального подхода, «оптовое» отношение усугубляло состояние больных: они сидели по углам, их не интересовали посетители. Фуллер высказалась решительно за то, чтобы увеличить помещения приюта и численность его персонала. Не имея медицинских познаний, она не могла предложить собственно врачебных подходов, но она видела возможность облегчить страдания душевнобольных, вовлекая их в творческие занятия, и с воодушевлением сообщала читателям о совместном музыкальном представлении душевнобольных одного из приютов (12). Нельзя не заметить в таком подходе предвестие современных тенденций: например, организации для больных занятий живописью, театральные постановки.

Фуллер – автор первого в США феминистского трактата «Женщина в девятнадцатом столетии» – уделяла много внимания положению женщин. Когда члены Ассоциации помощи заключенным сняли дом и открыли там приют для освобожденных заключенных-женщин, Фуллер обратилась к читателям с просьбой помочь собрать старую мебель, одежду, книги и другие вещи для приюта. Там жили под присмотром нанятой смотрительницы шесть женщин из числа бывших заключенных, целью было предоставить им временное убежище и трудоустроить. По какому же обвинению они попали в заключение? По обвинению в проституции; порой фактически поводом была внебрачная связь: как пишет Фуллер, «ошибка, которую мнение света делает непоправимой только для женщин» (134). Маргарет просила о пожертвованиях, она не называла вещи своими именами (эти имена были табу для общества); она апеллировала к совести читателей тоном нежным, но строки ее были полны сарказма в отношении несправедливого и лицемерного общества: она обращалась к бедным как к людям, у которых больше всего сочувствия; к богатым – как к тем, кто «получил больше, чем положено, и мог бы поделиться» (135); к мужчинам – «во искупление того зла, которое они причиняют «слабому полу», который, по их мнению, должен быть мягким, доверчивым, полагающимся на мужскую защиту» (135). В пенитенциарном заведении, которое Фуллер посетила, она также не увидела «защищенности» женщин. Маргарет обратила внимание на то, что, хотя там содержались 700 женщин, вовсе не было женского персонала; не было и должного уважения к личному пространству: молодые матери, кормившие грудью своих детей, даже в больничных палатах были на всеобщем обозрении у посетителей, в том числе мужчин.

Размышляя о возможностях улучшения ситуации в городе, Фуллер высказывала важную мысль о том, что общественные благотворительные заведения не должны зависеть от того, какая партия победила на выборах. Она считала, что церкви, школы, колледжи, забота о душевнобольных, о неимущих должны быть свободны от смены политической власти, их сотрудники должны выбираться на основании компетентности, а не по политическим соображениям, а расходы на заведения должны определяться «не экономией, а пользой» (104).

Подводя итоги, можно сказать, что публицистика Маргарет Фуллер раскрывает ключевые проблемы, возникшие в США в связи с процессом урбанизации, показывает состояние общественных институтов и общественного сознания, являясь, тем самым, важным историческим источником. Фуллер предстает нам как публицист-реформатор, чьи идеи имели существенное значение для развития американского общества середины XIX в.; не утратили они своего гуманистического потенциала и в наши дни.